

Научная статья

УДК 316.776.34

ББК 60.524.224.6

М 74

doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-79-88

ФЕНОМЕНЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(Рецензирована)

Бронислава Рафаиловна Могилевич

Саратовский национальный исследовательский университет имени

Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

mogilevich@info.sgu.ru

Аннотация. Риск и неопределённость онтологически присутствуют в жизненном цикле людей, и поэтому эти проблемы всегда актуальны, особенно в современном социуме постмодерна. Информационное постиндустриальное общество характеризуется большим объёмом разнообразной информации, легко доступной для всех членов социума. С одной стороны, доступ к информации и её количество представляют собой благо, с другой стороны, люди не могут адекватно выбрать, интерпретировать и оценить новые сведения. Возникающая в этом случае неопределённость дезориентирует людей, нарушая стабильность их социокультурных коммуникативных связей. Неопределённость амбивалентна по своей природе – она субъективна как проекция личностного восприятия социальной реальности; она объективна как актуализация слома/смены социальных смыслов и институтов. Исследование о природе неопределённости и рисков едины в том, что высокий уровень неопределённости современности обусловлен такими факторами, как глобализация, информатизация и цифровизация. «Текущая современность» как социальная реальность характеризует сегодняшнюю жизнь людей в ракурсе основных концептов жизнедеятельности: свободы, индивидуальности, времени и пространства, работы и сообществ. Концепция рисков как продуктов неопределённости варьируется – от сравнения рисков с аварией на Чернобыльской АЭС до оценки рисков как мобилизующих сил. Социокультурные риски, межкультурные в частности, приобретают особую значимость в эпоху постмодерна. Выделенные 6 универсальных категорий культуры определяют межкультурную интеракцию в ракурсе учёта культурных характеристик, детерминирующих успех межкультурного взаимодействия. Теория сокращения неопределённости предлагает пути установления успешной межкультурной коммуникации. Обозначены стратегии смягчения неопределённости (пассивные, активные и интерактивные), и факторы её успеха обусловлены уровнем межкультурной компетенции коммуникантов. Следование принципам Кооперации и Вежливости способствует снижению межкультурной неопределённости и рисков как видов коммуникативного дискомфорта.

Ключевые слова: неопределённость, риск, объём информации, дезориентация, глобализация, амбивалентность, текущая современность, теория сокращения неопределённости и межкультурный дискомфорт.

Для цитирования: Феномены неопределенности и риска в контексте межкультурной коммуникации / Б.Р. Могилевич // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2 (279). С. 79-88 doi: 10.53598 / 2410-3691-2021-2-279-79-88

Original Research Paper

UNCERTAINTY AND RISK PHENOMENA IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Bronislava R. Mogilevich

*N.G. Chernyshevsky Saratov National Research University, Saratov, Russia,
mogilevich@info.sgu.ru*

Abstract. Risk and uncertainty are ontologically linked with the life cycle of people, and therefore these problems are always relevant, especially in the contemporary postmodern society. The informational postindustrial society is characterized by a large amount of diverse information that is easily accessible to all members of society. On the one hand, access to information and its amount is a real value, on the other hand, people cannot adequately select, interpret and evaluate new information. The uncertainty arising in this case disorients people, disrupting the stability of their socio-cultural communicative ties. Uncertainty is ambivalent in nature - it is subjective as a projection of personal perception of social reality; it is objective as an actualization of the breakdown/change of social meanings and institutions. The study on the nature of uncertainty and risks is unanimous in the fact that the high level of uncertainty of our time is due to such factors as globalization, informatization and digitalization. “Fluid modernity” as a social reality characterizes everyday life of people from the perspective of the main concepts of life: freedom, individuality, time and space, work and communities. The concept of risks as products of uncertainty ranges from comparing risks with the Chernobyl accident to assessing risks as mobilizing forces. Socio-cultural risks, intercultural in particular, acquire special significance in the postmodern era. The identified 6 universal categories of culture define intercultural interaction from the perspective of taking into account cultural characteristics that determine the success of intercultural interaction. Uncertainty reduction theory offers ways to establish successful intercultural communication. The identified strategies for reducing uncertainty (passive, active and interactive) and the factors of its success are determined by the level of intercultural competence of the communicants. In addition, adherence to the principles of Cooperation and Politeness helps to reduce intercultural uncertainty and risks as types of communicative discomfort.

Keywords: uncertainty, risk, information volume, disorientation, globalization, ambivalence, fluid modernity, uncertainty reduction theory and intercultural discomfort.

For citation: Uncertainty and risk phenomena in the context of intercultural communication/B.R. Mogilevich//Bulletin of Adyghe State University. Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies”. 2021. 2 (279). P.79-88 (in Russian) doi: 10.53598/2410-3691-2021-2-279-79-88

Неопределенность и риск являются постоянными компонентами человеческой жизнедеятельности, а любой вид социальной реальности характеризуется категориями риска и неопределенности в тех случаях, когда исчезает возможность адекватного понимания настоящего и прогнозирования будущего. Причиной является асимметричность воспринимаемой информации, ее интерпретации и анализа относительно реальной ситуации. Так как неопределенность и риск как понятия и состояния представляют собой категориальную характеристику всех аспектов человеческого существования, то их исследования носят междисциплинарный характер.

Особую значимость феномен неопределенности приобрел в XX в., когда физик В. Гейзенберг в 1927 г. открыл принцип неопределенности, согласно которому каждый объект материального мира онтологически обладает неопределенностью, так как возможно определить координаты нахождения объекта, а его частотные импульсы могут быть неопределенными.

Модернизация всех аспектов человеческой жизнедеятельности, проявляющаяся в развитии глобализации, цифровизации и информатизации, актуализирует новый ракурс социокультурной рефлексии проблемы. Выдвижение на первый план понятия неопределенности носит концептуальный характер не только в гуманитарном аспекте, но и в естественно-математических сферах.

Казалось бы, что постиндустриальное информационное общество, представляющее обилие и разнообразие информации, обеспечивает обширный доступ к ее получению и гарантирует ее достоверность. На самом деле именно эти характеристики постиндустриальной реальности порождают неопределенность как информационную дезориентацию коммуникантов. Именно увеличение

объемов информации, а часто и ее избыточность, служат причиной нарушения стабильности коммуникаций, в частности в сфере выбора оптимальных вариантов и объема сведений.

Следует отметить, что неопределенность в социокультурном контексте носит амбивалентный характер - она отражает восприятие социальной реальности индивидом, то есть она субъективна. С другой стороны, неопределенность объективна как проекция разрушения/смены существующих социокультурных смыслов, процессов, институтов [1].

Ф. Найт, один из первых исследователей феномена неопределенности, определил причины ее возникновения: недостаточность информации, незнание, случайность, противодействие [2].

Другими словами, большинство социокультурных процессов, имеющих место в современной социальной реальности, характеризуются разными степенями неопределенности. Эти явления затрудняют или даже блокируют возможности адекватных решений для обеспечения стабильности социокультурных норм, способствуя возникновению эмоциональной неустойчивости, растерянности, нервозности и депрессии [3].

Как отмечает Н.Г. Осипова, информатизация и цифровизация меняющейся социальной реальности способствуют смещению базовых концептов жизнедеятельности в социуме, включая гражданство, профессиональную принадлежность и даже пол. Индивиды, получая разнообразную информацию, трудно поддающуюся восприятию и анализу, не могут концентрировать внимание. В этом случае картина мира представлена как мозаичное панно, трудно воспринимаемое логически [4].

Наибольший вклад в исследование феномена неопределенности внес З. Бауман, который определил современную социальную

реальность как «текущую современность» («liquid modernity»). Интересно отметить, что первые исследования неопределенности как категории социальной реальности были предприняты ещё во времена античности. Так, Фалес, представитель милетской школы, считал, что вода является воплощением неопределенности по причине своего постоянного движения и изменчивости. Аристотель, в свою очередь, определял движение как воплощение неопределенности [5]. По З. Бауману, текущая современность – это переход от структурированной социальной реальности и наличия стабильных институтов к свободному от обязательств, границ и условий социуму. Это состояние характеризуется всякого рода неожиданностями, неопределенностью, непоследовательностью, а человек в этой реальности приобретает мобильность, возможность использования социальных лифтов и получения разнообразной информации. З. Бауман использует красивую, даже поэтическую метафору «текущая современность» для характеристики нашей, очень сложной, действительно текущей и гибкой социальной реальности, полной рисков различной степени опасности, с одной стороны, и великих возможностей для прогресса, с другой стороны.

Акцентируя изменчивость и неопределенность текущей современности, З. Бауман выделил пять новых характеристик основных концептов человеческой жизнедеятельности:

- освобождение как свобода от общества, но и также свобода разрушения идентичности;

- индивидуальность как антипод гражданина и поощрение консюмеризма и интереса к частной жизни людей (например, звезд и политиков), а не к их деятельности;

- время и пространство как изменение этих понятий в процессе электронной революции (например, новое приветствие «Доброго времени суток!»);

- работа как новая форма занятости – дистанционная работа и учеба вне офисов и учебных заведений [6];

- сообщество – урбанизация и создание мегаполисов вызвали обострение оппозиции «свой» - «чужой» в виде всплесков национализма, ксенофобии и фашизма.

Скорость жизни в текущей современности требует от человека постоянного напряжения в боязни «не успеть», «не догнать», «не получить» в ущерб саморефлексии. Состояние неопределенности провоцирует возникновение рисков как компонентов жизненного цикла. Классическое определение риска представлено следующим – «активное, сознательное действие человека с надеждой на удачу в условиях неопределенности итога деятельности» [7; 96].

Н. Луман, представляя критическую концепцию состояния риска, подчеркивал его онтологическую сущность и акцентировал вероятностную природу человека. Другими словами, Н. Луман, солидаризируясь с Ф. Найтом, считал, что риски возникают случайно, а социологический ракурс рассмотрения этого феномена состоит в том, что о природе риска следует судить в контексте коммуникации с включением ее смысла и принятия решений [8]. Таким образом, по Н. Луману, риск обусловлен активной жизненной позицией человека.

У. Бек в своих исследованиях о природе рисков делает акцент на том, что глобализация ускоряет и умножает многочисленные риски – природные, техногенные, социальные, экономические, финансовые и политические. В этих условиях национальное государство, в классическом смысле этого слова, не может справиться со своими полномочиями и уступает место транснациональным институтам. Социум, по мнению У. Бека, становится «обществом риска», а риски все время умножаются благодаря развитию науки и техники. Риск представляет собой систематическое взаимодействие

общества с угрозами и опасностями, которые порождаются модернизацией как таковой. В отличие от прошлых эпох, современные риски суть последствия, прямо связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобализацией неуверенности».

По мнению У. Бека, глобализация приводит к засилью терроризма, экологическим и социогуманитарным катастрофам. Он сравнивает глобальный терроризм с Чернобылем мировой экономики: «В Чернобыле были захоронены атомные отходы, а глобализация «похоронила» свои обещания о спасении мира». Он считает, что террористы обнаружили не только уязвимость и слабость западной цивилизации, но и предвосхитили глобализационные экономические конфликты [9; 21].

Концепция риска Э. Гидденса постулирует рискогенность современной социальной реальности. Риск, согласно Э. Гидденсу, представляет собой продукт модернизации и глобализации. Но, в отличие от концепции У. Бека о природе рисков, Э. Гидденс акцентирует внимание на таких его позитивных функциях, как мобилизующие и динамичные силы, характеризующие современный социум, причём люди не полагаются на природные силы, религиозные догмы и традиции, а самостоятельно действуют и определяют своё будущее. Э. Гидденс определяет социальную реальность постмодерна как «высокую современность», полную многочисленных рисков, неопределённых ситуаций, которые угрожают как всему человечеству, так и его отдельным представителям [10].

Существует множество классификаций риска, но наиболее часто прослеживается 2 вида: техногенные и социогенные риски. Техногенные риски обусловлены утратой контроля над производством и его негативным влиянием на природную среду; социогенные риски, в

свою очередь, служат причиной возникновения социальной неопределённости вследствие потери со стороны социума контроля над социальными трансформациями. Социокультурные риски, в свою очередь, обусловлены асимметрией действий субъекта по отношению к трансформациям социума в условиях неопределённости. В свою очередь, социокультурные риски могут быть представлены, как межэтнические, военно-политические, финансовые и т.д. [11].

Межкультурные риски заслуживают особого внимания в условиях глобализации, так как отражают функционирование международных контактов. Межкультурная коммуникация как интеракция между представителями разных культур и носителей разных языков всегда обусловлена их культурной спецификой, проявляющейся в разных жизненных сферах.

Неопределённость как социокультурный феномен присутствует в процессах социализации, инкультурации и аккультурации в жизненном цикле каждого индивида как члена социума во всех сферах его жизни – другими словами, в пространственно-временном контексте. Известно, что феномен культуры обладает наибольшим количеством определений, каждое из которых характеризует разные стороны этого всеобъемлющего понятия. С точки зрения межкультурных различий, культура, по мнению Г. Хофстеде, представляет собой «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типов людей от других».

Тем не менее, все культуры обладают универсальными категориями, отражающими природные и социальные потребности индивидов, а именно: общепринятые ценностно-поведенческие модели в таких универсальных ситуациях, как гендерные отношения, опека малолетних детей, удовлетворение базовых потребностей человека в пище, тепле,

сексе, отношение к пожилым, больным, инвалидам [12].

В настоящее время выделено шесть категорий культуры:

- дистанцированность власти, отражающая разные интерпретации неравенства;

- избегание неопределенности как уровень социального напряжения относительно рисков неизвестности;

- индивидуализм/коллективизм как степень включения индивидов в первичные группы;

- маскулинность/феминность в виде распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами;

- долгосрочная/краткосрочная ориентированность как фокусирование действий либо на настоящее, либо на прошлое, либо на будущее;

- потворство желанием/сдержанность в виде скорости удовлетворения потребностей.

Обращаясь к феномену неопределенности как к культурной характеристике, следует отметить, что эта культурная категория отражает степень устойчивости социума к разнообразию и неоднозначности социокультурных смыслов. Это означает способ и степень защиты членов социума в условиях возникновения нестандартных ситуаций. Так, культуры с высоким уровнем избегания неопределенности стремятся к снижению рисков, возникающих в процессе развития. В этих целях в таких типах культур имеет место регламентация поведения в виде следования правилам и нормам, традициям, обычаям и ритуалам. При этом отклонение от общепринятых мнений и истин осуждается, а иногда преследуется по закону. Представители этих культур отличаются повышенной эмоциональностью и часто испытывают нервное напряжение. Напротив, представители культур с низким избеганием неопределенности более терпимы и толерантны к мнениям других, не стремятся

вводить множество правил и запретов и не испытывают чрезмерного и постоянного эмоционального напряжения.

Г. Хофстеде приводит сравнительную таблицу десяти различий между культурами по степени избегания неопределенности. Так, низкая степень избегания неопределенности характеризуется следующим образом:

- принятие неопределенности как жизненной характеристики;

- жизненный цикл воспринимается без напряжения, в обществе присутствует самоконтроль и низкий уровень тревожности;

- люди редко обсуждают свое здоровье и уровень благосостояния с другими;

- в социуме существует терпимость к отклоняющемуся от норм поведению;

- распространено спокойное отношение к проявлениям беспорядка и неоднозначности;

- школьные учителя нередко говорят: «Я не знаю», и это считается нормой;

- имеет место частая смена работы, профессии и места жительства;

- все нормы (правила) подвергаются сомнениям;

- власть и народ взаимно критичны и рациональны по отношению друг к другу;

- главенствующее положение в научной и религиозной сферах занимают релятивизм и эмпирическая методология.

Что касается культур с высоким уровнем избегания неопределенности, то их специфика проявляется в следующем:

- неопределенность препятствует течению жизненного цикла и требует постоянной борьбы и преодоления;

- в течение всей жизни индивиды постоянно испытывают тревожность, напряженность и нервозность;

- члены социума склонны к частым и многословным обсуждениям состояния своего здоровья и благосостояния с другими;

- в социуме присутствует нетерпимое отношение ко всем проявлениям девиантного поведения в силу его опасности;

- учителя в школе не имеют права отвечать: «Я не знаю», так как уверенность в своей эрудиции является признаком «настоящего» учителя;

- интенциональная склонность к соблюдению правил, даже если сами им не следуют;

- отсутствие рационального и критичного отношения к власти;

- преобладание консервативно-ортодоксального мировоззрения в научной и религиозной сферах [13; 30].

В современном глобальном мире огромную роль играет осуществление полноценной межкультурной коммуникации, необходимой для нормального функционирования различных сфер человеческой жизнедеятельности – политики, экономики, науки, образования и т.д. Недостаток информации о специфике партнеров как представителей «своей» культуры и носителей «своих» языков часто является причиной возникновения культурно-коммуникативной аномии (неопределенности). Культурная аномия (неопределенность) возникает в тех ситуациях, когда партнеры по коммуникации не могут достичь своих целей и вынуждены использовать механизмы приспособления для подавления чувств неудовлетворенности и отчуждения, избегая, таким образом, состояния фрустрации.

Дихотомия «свой» - «чужой» как модель оппозиции «Я» – «Другие» актуализирует состояние неопределенности на трех уровнях коммуникации:

- когнитивном - в виде незнания «чужой» социокультурной специфики;

- эмоциональном - как сомнений и неуверенности в адекватной оценке «своего» поведения со стороны «чужих»;

- поведенческом - в форме равнодушия или агрессии, либо во фрустрации к «чужим» [14].

Проблемы неопределенности, возникающие в процессе межкультурной коммуникации приводят к тому, что коммуниканты не могут реализовать свои коммуникативные интенции и начинают испытывать коммуникативный дискомфорт [15].

Естественно, что представители разных культур и носители разных языков обладают разными знаниями о картине мира, что является причиной возникновения коммуникативной неопределенности. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, эти барьеры осознаются коммуникантами только в процессе межкультурной коммуникации и обусловлены уверенностью в правильности и нормативности только «своей» культуры [16; 100].

Каждая культура обладает своим дискурсивным кодом в виде конвенциональных коммуникативных норм для передачи определенных социо-культурных смыслов, значимых и специфичных для данной культуры [17; 118]. Различия кодирования и декодирования этих смыслов создают межкультурную неопределенность в виде коммуникативного дискомфорта. Причем, следует различать языковые коды в виде фонетики, лексики и грамматики «чужого» языка и культурные коды как социо-культурную специфику коммуникантов. Партнёры по межкультурной коммуникации в большинстве случаев не ощущают несовпадения культурных смыслов «своей» и «чужой» культуры как причины нарушения взаимных ожиданий. Основой несовпадения являются культурные препятствия (помехи) в виде асимметрии кодирования и декодирования содержания межкультурной интеракции.

Преодоление ситуаций неопределенности межкультурной интеракции может быть представлено с позиции теории редукции неопределенности (the uncertainty reduction

theory), которая имеет основой теорию информации К. Шеннона и У. Уивера. Согласно этой теории, возникновение коммуникативной неопределённости обусловлено ожиданием использования партнёром множества поведенческих схем, а снижение неопределённости, наоборот, возникает при ограничении вариантов поведения [18].

По теории сокращения неопределённости Ч. Бергера, межкультурная интеракция может быть успешной/более успешной, если партнёры до начала интеракции адекватно её прогнозируют, а после интеракции адекватно интерпретируют, сокращая/нивелируя, таким образом, неопределённость [19].

В межкультурном контексте снижение неопределённости, возникающей при интеракции, необходимо, когда коммуниканты начинают испытывать коммуникативный дискомфорт/коммуникативную неудачу при реализации своих прагматических целей. Существует множество причин возникновения коммуникативного дискомфорта, но все они вызваны неосуществлением/неполным осуществлением коммуникативного контакта между партнёрами по коммуникации. В этой связи можно выделить некоторые причины межкультурной неопределённости, возникающие при различиях языковых структур партнёров, их габитусов и прагматических целей [20].

Уровень межкультурной компетенции партнёров напрямую детерминирует уровень межкультурной неопределённости – чем выше уровень межкультурной компетенции, тем реже возникают ситуации неопределённости, обусловленные психофизическими характеристиками, социальным статусом и фоновыми знаниями коммуникантов.

Особого внимания заслуживает следование принципам Кооперации и Вежливости как оптимальный способ нивелирования неопределённости и рисков межкультурной коммуникации.

Принцип Кооперации использует максимы речевого общения: качества - сообщение правдивой информации; количества - подача оптимального объема информации; манеры - логичность и лаконичность изложения; релевантности - актуальность и предметность информации. Принцип Кооперации дополняется Принципом Вежливости, характеризующимся двумя основополагающими правилами: минимизацией всего, что невежливо, обидно, и максимизацией вежливости в соответствии со следующими максимами: такт (минимум усилий партнера при максимуме его выгоды); великодушие (минимум выгоды для себя и максимум твоих усилий); одобрение (максимальное одобрение партнера и минимальное неодобрение); скромность (минимальное неодобрение партнера); согласие (максимизация согласия и минимизация несогласия); симпатия (минимизация антипатии к партнеру) [21].

Таким образом, неопределенность как социокультурное явление представляет собой компонент жизненного цикла, характеристику типа культуры и специфику межкультурной коммуникации. В последнем случае она возникает по причине недостатка/отсутствия знаний об особенностях «чужой» культуры. Трудности, возникающие в процессе декодирования «чужих» смыслов, характеризуются как межкультурная неопределенность (коммуникативный дискомфорт). Избегание или сокращение этого вида неопределенности возможно при следовании принципам коммуникативной контактности (Кооперации, Вежливости и Релевантности). Неопределённость и риски составляют необходимые компоненты человеческой судьбы. Они часто служат препятствием и помехой на жизненном пути, оказывая негативное влияние на качество жизни. Современная эпоха постмодерна предлагает обширную информацию и освобождает людей от ответственности и права

выбора, создавая неопределённость рисками и неопределённостью. Важно способствуя возрастанию рисков. Как бы то ни было, жизнь продолжается, и людям удаётся справляться с ет обратную сторону – определённость, и это даёт нам всем надежду.

Примечания:

1. Осьмук Л.А. Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, № 4.
2. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 1994. Вып. 5. с. 12-28.
3. Воробьев Г.А. Энтропийный рост в российском обществе в проекции социальной неопределенности // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 4.
4. Осипова Н.Г. Концептуализация категорий общества в истории социологии: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2020. Т. 26, № 2. С. 7-34.
5. Аристотель. Метафизика. Москва: Директ-Медиа, 2005. 311 с.
6. Бауман Э. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык, 1978-1980.
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5.
9. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. Москва: Прогресс-традиция, 2000.
10. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 40-111.
11. Матюх Е.Т. «Неопределённость» общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 72. С. 180-186.
12. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникации и социальная среда. Воронеж, 2014. Вып. 12. С. 9-49.
13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. New York: McGraw-Hill, 2010.
14. Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 6. С. 28-34.
15. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988. С. 212-233.
16. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Москва: АСТ, 2007.
17. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
18. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. Москва: Изд. иностр. лит., 1963. 830 с.
19. Berger Charles R., Calabrese, Richard J. Some Explorations in Initial Interaction and Beyond: Toward a Developmental Theory of Interpersonal Communication // Human Communication Research. 1975. № 1 (2). P. 99-112.
20. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва: Наука, 1993. С. 30-63.
21. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. Вып. 16. С. 220-234.

References:

1. Osmuk L.A. Social uncertainty and metamorphoses of modern society // Ideas and ideals. 2010. Vol. 1, No. 4.
2. Knight F. The meaning of risk and uncertainty // THESIS. 1994. Iss. 5. P. 12-28.

3. Vorobyov G.A. Entropy growth in Russian society in terms of social uncertainty // Humanities of the South of Russia. 2017. Vol. 6, No. 4.
4. Osipova N.G. Conceptualization of the categories of society in the history of sociology: key discussions // Bulletin of Moscow University. Ser. 18: Sociology and Political Science. 2020. Vol. 26, No. 2. P. 7-34.
5. Aristotle. Metaphysics. Moscow: Direct-Media, 2005. 311 pp.
6. Bauman Z. Liquid modernity. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 pp.
7. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Russky yazyk, 1978-1980.
8. Luhmann N. Concept of risk // THESIS. 1994. Iss. 5.
9. Beck U. Risk society: towards a new modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000.
10. Giddens E. Fate, risk and security // Thesis. 1994. Iss. 5. P. 40-111.
11. Matyukh E.T. "Uncertainty" of society as the cause of the emergence of social risks of our time // Bulletin of Stavropol State University. 2011. No. 72. P. 180-186.
12. Hofstede G. The Hofstede model in context: parameters of the quantitative characteristics of cultures // Language, communication and social environment. Voronezh, 2014. Iss. 12, P. 9-49.
13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. New York: McGraw-Hill, 2010.
14. Pushina N.I., Makhankova N.V., Shirokikh E.A. Communicative failures in intercultural communication: causes, typology, strategies of minimization // Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology. 2015. Vol. 25, Iss. 6. P. 28-34.
15. Sperber D., Wilson D. Relevance // New in foreign linguistics. Iss. 23: Cognitive aspects of language. Moscow, 1988. P. 212-233.
16. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures. Moscow: AST, 2007.
17. Foucault M. Archeology of knowledge. Kiev: Nika-Center, 1996.
18. Shannon K. Works on information and cybernetics. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1963. 830 pp.
19. Berger Charles R., Calabrese, Richard J. Some Explorations in Initial Interaction and Beyond: Toward a Developmental Theory of Interpersonal Communication // Human Communication Research. 1975. No. 1 (2). P. 99-112.
20. Ermakova O.N., Zemskaya E.A. Towards the construction of the typology of communicative failures // Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect. Moscow: Nauka, 1993. P. 30-63.
21. Grice H.P. Logic and conversation // New in foreign linguistics. Moscow, 1985. Iss. 16. P. 220-234.

Статья поступила в редакцию 05.06.2021; одобрена после рецензирования 10.06.2021; принята к публикации 13.06.2021.

The paper was submitted 05.06.2021; approved after reviewing 10.06.2021; accepted for publication 13.06.2021.

© Б.П. Могилевич, 2021